

Раздел 3. ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

М. Б. Ворошилова
**ЧЕРНАЯ ЧУМА:
НОМИНАЦИИ ВРАГА В ЭКСТРЕМИСТСКОМ ТЕКСТЕ**

M. B. Voroshilova
**BLACK PLAGUE:
NOMINATIONS OF THE ENEMY IN THE EXTREMIST TEXT**

Работа выполнена при поддержке РГНФ: проект 12-04-00175а «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность»

В статье исследуются формы и содержание обозначений врага в экстремистских текстах. На этом фоне выявляются ключевые признаки экстремизма и даются рекомендации для проведения судебных лингвистических экспертиз по делам, связанным с экстремистской деятельностью.

The article deals with the forms and content of nominations of the enemy in the extremist texts. Against this background the key signs of extremism are revealed and the recommendations for conducting legal linguistic expertise in cases connected with extremist activities are given.

Ключевые слова: язык вражды, номинации врага, экстремистский дискурс, этнические инвективы, судебная лингвистическая экспертиза.

Key words: the language of enmity, nominations of the enemy, extremist discourse, ethnic invectives, legal linguistic expertise.

В современном мире активный рост ксенофобии и нетерпимости заметен невооруженным взглядом: расовые, национальные и конфессиональные конфликты будоражат общество, и далеко не всегда они вызваны реальными противоречиями.

Настоящее исследование посвящено изучению образа врага в экстремистском тексте, а точнее анализу его основных номинаций, что позволит нам не только еще раз выделить ключевые признаки экстремизма, но и выработать некий механизм для оценки и классификации данных материалов, и, безусловно, что результаты нашей работы будут иметь практическую значимость в рамках судебной лингвистической экспертизы.

Образ враг является основополагающим как в анализируемых текстах, так и экстремистском дискурсе в целом. Ведь проблема самоидентификации и различения по принципу «свой – чужой», «друг – враг», «мы – они» существует перед человеком и особенно социальными группами с древнейших времен. По мнению большинства современных исследователей, конструирование образа врага – это один из наиболее важных, значимых механизмов формирования любой социальной группы, именно, «по отношению к образу внешнего врага, обычно выступающего как «Они-группа», общество способно сплотиться и укрепить свою идентичность в виде целостной «Мы-группы» (Белоконова, 2004, 3).

Именно наличие адекватного образа внешнего врага повышает не только внутреннюю солидарность, но и управляемость социальной группы (см. напр.: Гудков, 2004): особенно в закрытых и тоталитарных группах создание и поддержание в сознании ее членов образа врага является важнейшим элементом управления.

Таким образом, настойчиво формируемый образ врага становится мощнейшим орудием манипуляции, пропагандистским мифом: известный феномен сплочения перед лицом угрозы является весьма эффективным для любой социальной общности, его часто используют лидеры групп для сохранения внутригруппового единства.

Итак, ключевой особенностью, определенным классифицирующим признаком экстремистского текста является оппозиционность и наличие образа врага, который в экстремистском дискурсе обладает ярко выраженными национальными, расовыми и религиозными чертами, что позволяет ему служить эффективным средством возбуждения национальной, расовой и религиозной ненависти.

Традиционно врагами в экстремистских текстах названы «*хачи/хачики*», «*кавказцы*», «*негры*», «*евреи/жиды*», «*чурки*», «*мусульмане*», «*инородцы/иноземцы*», «*азиаты*», «*мусули*» и др. (примеры расположены по степени убывания частотности их упоминания), таким образом, становится очевидным, что основным критерием определения врага является национальный, расовый или религиозный принцип.

Основным же средством номинации врага в экстремистских текстах является инвективная лексика, «то есть слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме» (Базылев, 1998).

Именно, инвективы являются эффективным средством выражения как авторской интенции, так и общей идеологической установки экстремистского текста: они не только создают его агрессивно-прагматический потенциал, являясь классическим инструментом возбуждения ненависти и вражды, но и становятся орудием унижения национального достоинства.

В ходе исследования экстремистских текстов, распространяемых в социальной сети «ВКонтакте», как правило, представляющих собой креолизованные тексты: видеоролики, музыкальные клипы, карикатуры и демотиваторы (за 2011–2012 годы нами были описаны 184 текста) – нами были выделены три основные группы используемых в экстремистском дискурсе для создания образа врага инвектив.

Наиболее частотными являются этнические инвективы (термин В. И. Жельвиса), или экспрессивные этнонимы (термин А. И. Гриценко), или этнофолизмы (термин А. А. Робака), которые «прямо именуют «чужих», придавая этническим номинациям негативный характер» [Гриценко, 2006, с. 186].

Этнофолизмы, как правило, не входят в литературный русский язык и имеют жаргонное происхождение, и зачастую обладают яркой эмоциональной оценкой, причем исключительно отрицательной. Так, по мнению исследователей, этнофолизм – это «словесный символ и штамп, обладающий оттенками этнической нетерпимости и предубеждения к другим народам» [Пренко, 2004]. То есть, подобные «уничижительные номинации лиц другой национальности отражают нетерпимость говорящих, тяготеющую над ними власть предрассудков, суеверий, этнокультурных стереотипов» [Гриценко, 2006, с. 175].

Но, мы должны отметить, что в современной речевой практике наиболее популярные этнофолизмы, например, такие, как *хачики*, *жиды*, «потускнели», утратили свою яркую эмоциональную оценку. В настоящее время нередко примеры их использование в разговорной речи в качестве «прямых» номинаций, не содержащих каких-либо ярко выраженных негативных значений.

Но в рамках анализируемого экстремистского дискурса, они всегда «поддерживаются» общим агрессивным фоном, они как бы «заряжаются» негативной энергетикой как за счет своего ближайшего лексического окружения («*сранные хачи*»,

«безграмотные мусули», «хитрожопые жида» и др.), общей семантики текста, так и за счет иных дискурсивных факторов.

Как правило, лексическое окружение этнофолизов составляют «классические» инвективы, а именно ругательная нелитературная лексика, чаще всего взятая из жаргонов и диалектов; обценная лексика (мат); грубопросторечная лексика: *черные суки, инородная мразь, черножопые ублюдки, говножопый мусуль* и многие другие.

Говоря о дискурсивных факторах, мы должны отметить, что нередко такими факторами становятся реальные или вымышленные истории преступлений, совершенные представителями определенной нации, расы или религии, поэтому вторую по частотности группу, используемую для номинации врага в экстремистском дискурсе, составляют инвективы, так называемого первого типа, т. е. относящиеся к сфере литературного языка, по классификации, предложенной В. Н. Базылевым, Ю. А. Бельчиковой, А. А. Леонтьевой, Ю. А. Сорокиной в статье «Как наше слово отзовется?» (Советская юстиция, 1998, № 4–7), а именно:

слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, например, *«численность азербайджанской диаспоры в Москве и Московской области перевалила за миллион человек, а бандиты с Кавказа уже 15 лет безнаказанно хозяйничают в Москве»*.

Итак, наиболее распространенной семантической группой инвектив является группа, обозначающая различные преступления. Чаще всего упоминаются такие тяжелые преступления, как: *убийство/избиение, торговля наркотиками, изнасилование, воровство* и др. (примеры расположены по степени убывания частотности их упоминания).

Отметим, что указанная группа инвективов, зачастую, используется как одно из самых действенных орудий манипуляции: *они убивают наших сыновей и насиляют наших (дочерей) девушек, они травят наркотиками наших братьев и спаивают наших мужчин*. За счет нагнетания данных инвектив, зачастую, авторам удается создать страшный образ *«истребительной войны против России, умело спланированного геноцида русского народа»*.

Таким образом, использование данных инвектив в экстремистском дискурсе может быть классифицировано как прием, направленный на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды с точки зрения общественной опасности (см. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды (Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым, 26.06.99).

Во-первых, инвективы данной группы позволяют формировать и подкреплять негативный этнический стереотип, отрицательный образ нации, религии: в частности, за счет приемов сверхообобщения или атрибуции.

Чаще используется прием сверхообобщения, «когда свойства отдельных лиц, их пороки или совершенные ими преступления принимаются за свойства всех членов этнической или религиозной группы».

Например: *«Они их насиляют, а затем беспощадно убивают! Первого октября в Можайском районе Москвы двумя дагестанцами была изнасилована и убита Анна Бешинова. Они убивают русских людей крича нам что Кавказ сила! Они воруют, убивают, продают наркотики, насиляют»*. Автор сознательно переносит различного рода негативные характеристики и пороки отдельных представителей (*двумя дагестанцами*) на всю этническую групп (*они*), зачастую, именно таким образом формируется негативный стереотип, отрицательный образ, наделенный семантикой опасности (*воруют, убивают, продают наркотики, насиляют*), общественной и личной опасности.

Атрибуция встречается реже и, как правило, используется в такой сильной текстовой позиции, как заключение. Авторами открыто навязывается нужное причинно-следственное отношение, как правило, в рамках экстремистского дискурса четко обозначается чеченский или еврейский след.

Во-вторых, в анализируемых контекстах нередко используется прием приписывания всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой: в текстах экстремистской направленности часто упоминаются *«традиции крови», «братские нравы», «законы гор»*, уже ставшие стереотипными негативными оценками в русском языковом сознании, актуализирующими семантику опасности.

Аналогичный образ врага формируется и на визуальной уровне большинства креолизованных (динамичных) экстремистских текстов (карикатуры, видеоролики): враги с ярко выраженными национальными, расовыми или религиозными признаками представлены как носители одного из социального зла, как агрессоры, от которых необходимо защищаться. Например, в сети широко распространено изображение человека с темной кожей, держащего в руках поднятый нож, сопровождается текстом: *«Русский! Покажи негру, кто в России хозяин!»*.

Данный манипулятивный прием поддержан частотным обращением к образам женщин и детей, защищать которых долг каждого мужчины. Фраза *«Ну что? Так и будешь сидеть на диване, пока хачики пристают ко мне на улице»* сопровождается изображением красивой молодой девушки.

В одном из следующих видеофрагментов еврейская звезда (звезда Давида), исламский полумесяц следуют за бутылкой, которая разбивается кулаком. Данное изображение сопровождается следующим текстом *«Сначала спиртное – а потом все остальное»*, таким образом, мировые религии ставятся в один ряд с таким общепризнанным социальным пороком, как алкоголизм.

И наконец, особую выразительную силу в анализируемом дискурсе имеют инвективы третьей группы, которую составляют метафорические образы, обладающие высоким прагматическим потенциалом. Наиболее частотными, по нашим наблюдениям, являются такие метафорические номинации, как:

1) милитарные образы оккупации и близкие им по семантике метафоры рабства: *«Речь идет о наркопорабощении России азербайджанцами, цыганами, таджиками, туркменами, чеченцами, грузинами...»*; *«Что лучше лучше жить в русском гетто, / Чем встать, воевать за свою свободу»*; *«Вставай в ряды борцов с иноземными оккупантами!»*;

2) образы природных катаклизмов, как правило, это символы непреодолимой силы, несущей страшные разрушения (буря, лавина, цунами и др.): *«потомки инородцев идут девятым валом»*, *«черная лавина накрыла Россию»*;

3) морбиальная метафора, представленная образами заразных заболеваний, акцентируют как семантику широко распространения, всеобщей опасности, так и некоторой брезгливости: *«Словно бактерии проверяют иммунитет страны»*; *«Россия для Русских! Долой всюзаразу!»*; *«Вступай в Славянские рады и вместе мы избавимся от паразитов!»*.

В данной группе особенно выделяется образ «черной /еврейской чумы», наделенный семантикой агрессии и опасности. В русском языковом сознании чума – это «тяжёлая остроинфекционная эпидемическая болезнь. / Книжн. О каком-л. общественном бедствии, от которого нет спасения. Коричневая ч. (о фашизме). Разг.-сниж. О человеке крайне неприятном или опасном для окружающих» (<http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%F7%F3%EC%E0&all=x>).

*По всей Земле тотальный марш
Всех черномазых в кровавый фарш
Провозглашение чистки земли
Дезинфекции мира от еврейской чумы*

4) зооморфные метафоры («смотри внимательно в нашей стране одни звери») представлены двумя основными группами:

□ хтонические образы (чаще образы змеи) и образы чудовищ несущие семантику опасности: «Плоди полноценных белых воинов для защиты / Родины от нашествия **цветных монстров!** / ... / Они пожирают белую расу, твою расу!»; «Солдаты! В бой, с **чёрной змеей!** / Детей своих от неё береги, / Змеиные яйца дави и не жди!».

□ инвективные зооморфные образы (крыса, обезьяна), призванные, в первую очередь, унижить: «Подстилка для **ниггера** / Зоофилия – смертный грех / Не гуляй с **обезьяной!**»; «Они плодятся как **крысы**, / Они здесь ходят как звери. / И если они уберутся, / Это не будет для нас большой потерей..».

Итак, описанные способы номинации врага в экстремистских текстах являются действием орудием возбуждения расовой, национальной или религиозной розни, в равной степени как и унижения национального достоинства, но только один факт их наличия в тексте никоим образом не является доказательством или признаком принадлежности данного текста экстремистскому дискурсу, не позволяет однозначно классифицировать текст как экстремистский, это лишь один из инструментов, лишь один из элементов общей картины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Как наше слово отзовется? / В. Н. Базылев [и др.] // Советская юстиция. – 1998. – № 4–7.
2. **Белоконева, А. С.** Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала "холодной войны": дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02 / А. С. Белоконева. – М., 2004. – 175 с.
3. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
4. **Гасанов, И. Б.** Национальные стереотипы и «образ врага» / И. Б. Гасанов. – М., 1994.
5. **Грищенко, А. И.** Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 175–187.
6. **Гудков, Л.** Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Гудков. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
7. **Пренко, Л. И.** К вопросу о семантике французских этнофолизмов / Л. И. Пренко // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру; 8 Симпозиум «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов мира»: тез. докл. IV Междунар. конгресса 21–24 сентября 2004 г. – Пятигорск, 2004.
8. **Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды:** Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым. 26.06.99 // Национальная газета. 2002. № 8-12(58-62) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://antirasizm.ru/doc/publ_104.doc.